

Published in the Russian Federation Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences Has been issued since 2008

ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670 Vol. 35, Is. 1, pp. 121–130, 2018

DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-121-130 Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

UDC 398.22

A Xinjiang Oirat Version of the *Jangar*: Epic Studies in China*

Tsagan B. Seleeva¹

¹Reseach Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: tsagana007@mail.ru

Abstract. Academic studies and theoretical comprehension of the *Jangar* Epic had long been solely based on materials of the Kalmyk version discovered over 150 years before the Xinjiang Oirat tradition was introduced into scientific discourse, which had largely determined the establishment and development of Jangar studies as a research discipline. Since the 1980s, numerous texts of the Xinjiang Oirat version have been published, thus revealing a formidable original national epic tradition that has become integral to present-day Jangar studies.

At the initial stage, Jangar studies in China consisted in collecting and publishing diverse episodes (chapters) of the epic monument. Within quite a short period of time common efforts resulted in multiple recordings of both complete and incomplete episodes of epic texts, i.e. a total of 70 songs and 150 variants.

Epic studies by academic folklorists in the PRC initially examined the actual performing schools of the Jangar, peculiarities of the tale-telling tradition inherent to Xinjiang Oirats. Areal traditions of the Xinjiang version of the epic were investigated by Liu Shiu who pointed out some specific features typical for different ethnic groups. The famous scholar T. Jamtso paid great attention to dissemination and preservation of the Xinjiang Oirat epic tradition, and concluded that essentially taletellers could be referred to somewhat old and new formations respectively. The Xinjiang Oirat tradition stems from Central Asian epic entity and is characterized by typological unity and stability. According to T. Jamtso, variability of texts is linguistically determined by the origins and status of a certain jangarchi (Kalm. 'epic reciter'). The variable nature of the version is also explained by regional peculiarities of different traditions and result in separate studies of epic traditions existing in different areas. In this regard, one should stress the influence of the written tradition on the oral one, and the role of bookish epic texts in the Xinjiang Oirat oral tradition. The vast majority of researchers mention the oral tradition of the Jangar in Xinjiang, but there had also existed a written tradition that gave rise to a number of epic texts (manuscripts). With evidence from predecessors' experiences, D. Taya investigates a set of questions related to the history of the Jangar epic tradition, its dissemination, characteristics of early and later jangarchis, traditions of performing schools, customs and rituals accompanying the recitation process and their meanings. Researches by Chinese scholars also touch upon the debating point as to when and how the Epic of Jangar took shape. Zh. Rinchindorji characterizes the *Jangar* as a fairy-tale based literary composition which developed into a huge multiversion narrative between the 13th and 17th centuries. He attempts to confirm his conclusions by references to the main contents of the epic reflecting an internal struggle of the Oirats against aliens, and distinguishes between some main plot and co-occurring ones, the core of the composition and some secondary elements. T. Jamtso provides an overview of interpretations of the

^{*} Исследование проведено в рамках государственной субсидии — «Фольклор монголоязычных народов: тексты и исследования» (номер государственной регистрации: AAAA-A17-117030910099-8).

name 'Jangar' existing in both the Xinjiang Oirat and Mongolian traditions, and sets forth an original hypothesis: 'jangar' is etymologically Oirat, while the phrases 'Jangar-Khan' and 'Bogdo Noyon Jangar' can be translated as 'an ingenious ruler of the state' and 'a wise khan of the northern state of Bumba' respectively.

Thus, epic studies of the Xinjiang Oirat version of the *Jangar* in China develop and deal with topical issues of the current trends and peculiarities inherent to the tale-telling tradition, areal traditions, dissemination and preservation of the epic, its typology and variable nature, genesis and formation activities. Epic studies and publications of the Xinjiang Oirat version provide wide opportunities for comparative and typological investigations of the literary monument.

Keywords: *Jangar* epic, Xinjiang Oirat version, epic studies, epic tradition, narrative tradition, community

Научные исследования и теоретическое осмысление «Джангара» долгое время были основаны на материалах калмыцкой версии, открытой более чем на полтора века ранее синьцзян-ойратской версии и определившей сложение и развитие джангароведения как науки. Начиная с 1980-х гг., стали публиковаться многочисленные тексты синьцзян-ойратской версии, ставшие свидетельством существования большой самобытной национальной эпической традиции, без которой стали невозможны современные джангароведческие исследования.

Существование джангаровской традиции в среде ойратов Синьцзяна долгое время оставалось неподтвержденным. В конце XIX в. стали появляться разрозненные сведения, но полноценных записей не обнаруживалось. Так, Г. Н. Потанин писал: «Мне известно, что "Джангар" есть и у китайских калмыков, то есть у торгутов, живущих по реке Эдзин-гол, а также, вероятно, его знают и остальные сородичи астраханских калмыков, олеты Алашаня и Хухнора в северо-восточном Тибете» [Потанин 1895: 61]. Согласно сведениям Б. Бергмана, с частью калмыков, откочевавших в Джунгарию в 1771 г. под предводительством Убашихана, ушла и большая часть талантливых джангарчи. Среди оставшихся волжских калмыков их насчитывалось в то время около полусотни [Bergmann 1805: 211].

Начальный этап джангароведения в Китае был отмечен сбором и публикацией записей текстов эпического памятника. В 1980 г. для реализации поставленных целей было создано Синьцзянское отделение Общества по изучению фольклора и искусства. В течение нескольких лет по всем округам Синьцзяна проводилась масштабная работа: были организованы съезды исполнителей эпоса, интервьюированы, прослушаны и записаны свыше ста сказителей и знатоков фольклора.

За сравнительно короткое время общими усилиями на территории СУАР было записано огромное количество текстов, представляющих как полные, так и неполные фрагменты эпических текстов. Так, Т. Джамцо сообщает о записи шестидесяти шести песен и сорока вариантах к ним, несколько позже Ж. Ринчиндорж упоминает о записи семидесяти полнотекстовых песен и ста пятидесяти вариантах. Наряду с текстами были собраны ценные сведения, касающиеся биографий сказителей, традиции исполнения и передачи, обычаев и ритуалов, народных легенд и преданий, благопожеланий, песен, связанных с эпосом «Джангар».

Начало собирательской и издательской работы положили преподаватель университета Внутренней Монголии У. Буянкишиг, сотрудник Синьцзянского книжного издательства Т. Бадма, а также фольклористы Ж. Ринчиндорж, Т. Джамцо, Дж. Батнасан, Б. Амурдалай, Алтан и Лю Шиу. За сравнительно короткое время ими были подготовлены и опубликованы издания текстов «Джангара» [Jangyar-yin eke material 1980; 1982–1996; Jangyar 1986; 1987; 2008; Jangyarin tuuli 1980]. Они же стояли у истоков изучения синьцзян-ойратской версии «Джангара». Эпосоведческие исследования ученых-фольклористов КНР на начальном этапе касались рассмотрения вопросов бытования «Джангара» и особенностей сказительской традиции ойратов Синьцзяна.

Изучению ареальных традиций синьцзянского «Джангара» посвящены работы Лю Шиу. По мнению ученого, эпические сказания о Джангар-хане бытуют у всех ойратов Синьцзяна, включающих этнические группы торгутов, хошутов, чахар и олетов. Различия связаны с региональными особенностями: у чахар эпос бытует в виде отдельных песен, у торгутов версия сложилась из отдельных песен в цикл, а у олётов и хошутов эпос изначально бытовал в виде цикла.

В ряде аймаков Синьцзяна отмечается более значительная сфера распространения эпоса, в других — менее; ареально встречаются полные и краткие сюжеты, имеются песни, бытующие локально, наблюдаются также различия в разработке сюжетов и мотивов, образов героев [Лю Шиу 2004: 115]. Характерные особенности эпической традиции отмечены у различных этнических групп. Так, наличием большого числа вариантов песен и сохранностью архаических рудиментов тотемного культа и шаманских воззрений отмечена традиция торгутов, у олётов наблюдается отсутствие песни-пролога, у чахар превалируют буддийские мотивы в образах главных богатырей, у хошутов заметна близость к торгутским версиям [Лю Шиу 2004: 113].

В Хобуксаре и Баянголе «Джангар» имел хождение в устной и письменной формах в среде аристократии, духовенства и простолюдинов, у олётов и хошутов он бытовал исключительно в народной среде. Изучая биографии известных синьцзянских джангарчи, Б. Амурдалай указывает на их происхождение из народной среды, отмечая при этом, что среди сказителей встречались и выходцы из монашеской среды, обучавшиеся в свое время буддийским сутрам и тибетскому языку, как сказители Рампил и Карав, последний усвоил четыре песни непосредственно от ламы-учителя [Амурдалай 2008: 334, 340].

Вопросы распространения и сохранения синьцзян-ойратской эпической традиции подробно рассмотрены Т. Джамцо, который делает вывод о дифференциации известных сказителей по их принадлежности к старой и новой формации [Джамцо 2008: 370]. По мнению ученого, в прежние времена было немало талантливых и одаренных джангарчи, эпический репертуар которых включал от десяти до тридцати песен эпоса. Сказитель должен был обладать собственным репертуарным циклом, а исполнителей, усвоивших лишь две-три песни эпоса, не признавали как джангарчи. Особым почетом и уважением пользовались потомственные джангарчи, имеющие в нескольких поколениях известных сказителей [Джамцо 2008: 370, 374]. Так, к плеяде известных синьцзянских джангарчи раннего времени относят хобуксарского певца Шишин Бурула, исполнявшего тридцать две песни и прославившегося своим мастерством в конце XIX - начале XX вв., его ученик Хулвар Баир

исполнял более двадцати песен, а репертуар сказителя Джала из Карашара включал одиннадцать песен. Из представителей нового поколения наиболее признанными считаются джангарчи Джавин Джуна и Перлян Рампил, репертуар которых включает двадцать пять и семнадцать песен соответственно [Батнасан 2008: 393–397].

По всей вероятности, эпическая традиция со временем подверглась изменениям. На это указывает тот факт, что ранее исполнение основных песен предварялось песнью-восхвалением — подобием пролога в калмыцкой традиции, позднее она редуцировалась до небольшого вступительного отрывка или вовсе была утрачена [Джамцо 2008: 372].

Синьцзян-ойратская традиция, восходящая к центральноазиатской эпической общности, характеризуется типологическим единством и устойчивостью. «Несмотря на различия в образности языка джангарчи разных местностей <...>, исполнение «Джангара» остается традиционным. Традиционность <...> способствует сохранению и демонстрации художественных особенностей, структуры произведения» [Джамцо 2004: 59]. Наряду с этим синьцзян-ойратской версии как фольклорному явлению свойственна вариативность, связанная с региональными особенностями историческими переменами: «<...> не было одной установленной традиции исполнения "Джангара", ойрат-монгольские джангарчи, проживающие в разных местах, исполняют его так, как их обучали на их родине соответственно времени и местности. По этой причине какой-либо мотив или песнь <...> обычно имеют несколько вариантов» [Джамцо 2004: 58].

Вариативность текстов на языковом уровне Т. Джамцо непосредственно связывает с происхождением и статусом джангарчи. В качестве примера он приводит творчество известных сказителей Пюрвэ и Рампила. Первый, будучи простолюдином, воспевал в своих песнях героическое время богатырей и правителей. Второй, будучи ламой, в исполняемых песнях использовал буддийские мотивы, в которых обнаруживается печать времени активного распространения ламаизма среди ойрат-монголов [Джамцо 2004: 59].

Региональные особенности побуждают исследователей рассматривать специфику

отдельных местностей. Так, Батнасан исследовал бытование и особенности эпоса в Хобуксаре, его многочисленные рукописные и устные источники, биографии легендарных джангарчи, принадлежащих великим князьям прошлого [Батнасан 2008: 391—411].

Согласно наблюдениям исследователя, некоторые хобуксарские певцы усваивали текст как изустно, так и из письменных источников. К примеру, известный джангарчи современности Джавин Джуна, обучавшийся грамоте в ставке торгутского князя и прекрасно владевший ойратской и старомонгольской письменностью, в своем репертуаре имел песни, усвоенные изустно и из книжных источников. Сказительскому искусству он начал обучаться с детского возраста у родных отца и дяди, тогда уже известных сказителей, а также у маститых профессиональных джангарчи Ш. Насуна и Х. Баира, посещавших ставку князя. Позже свой эпический репертуар он значительно пополнил текстами из письменных эпических сводов, хранившихся в княжеской библиотеке, а также из рукописного сборника самозаписей своего предшественника Шарин Насуна [Батнасан 2008: 397-398].

В этой связи важно отметить влияние письменных источников и роль книжных эпических текстов в специфике синьцзянойратской устной традиции. Практически все исследователи отмечают устную форму бытования «Джангара» в Синьцзяне. Наряду с укоренившейся устной традицией имела место и письменная, породившая немало списков эпоса. «Это были разные записи, качество которых зависело от уровня грамотности и способности записывающего» [Джамцо 2004: 58]. Вплоть до конца 40-х гг. XX в. в ханской и княжеских ставках нередко хранились такого рода рукописные сборники «Джангара», многие из которых были уничтожены во времена «культурной революции» [Церенов 2008: 440]. По мнению В. Хайссига, тексты в письменной форме были сохранены либо исследователями, либо переписчиками. Этот метод подразумевает определенную «диктовку» со стороны самого певца, в котором текст теряет некоторую спонтанность своего непосредственного воспроизведения [Heissig 1996: 85].

Все списки Ж. Ринчиндорж относит по принадлежности к трем группам: 1) списки, имевшие хождение в XIX в.; 2) записи, произведенные в 1920–1940-е гг.; 3) книжные

списки калмыцкого «Джангара», имевшие широкое распространение в Синьцзяне [Ринчиндорж 1984].

Сведения о рукописных источниках эпоса встречаются в основных ареалах бытования «Джангара» — в Калмыкии, Синьцзяне и Монголии, но они до сих пор не подкреплены реальными находками. Полагаем, что подобные сведения обусловлены распространившимися в названных регионах экземплярами издания калмыцкой версии Ээлян Овла (1910 г.) и его рукописных копий, которые способствовали актуализации традиций «Джангара» среди ойратов Монголии и Синьцзяна.

На современном этапе эпосоведения в КНР сказительскую традицию изучает Д. Тая [2010]. Опираясь на опыт предшественников, он обращается к ряду вопросов, связанных с историей эпической традиции «Джангара» и ее распространением, исполнительскими особенностями сказителей раннего и позднего периода, традициями сказительских школ, обрядово-ритуальной обусловленностью акта исполнения эпоса и его значением, творчеству известных джангарчи Рампила и Джуны.

Изучая фольклорные материалы, связанные со сказительским творчеством, Д. Тая делает вывод о самобытности той или иной местной исполнительской традиции, поскольку каждый исполнитель старается привнести в свое творчество особенности, зависящие от его знаний и способностей [Тая 2005: 247]. Местный колорит улавливается в мелодии музыкальных инструментов, сопровождающих пение. «Знатоки эпоса "Джангар" — по традиции, заложенной издревле, вместе с речитативом исполняют его также в сопровождении музыкальных инструментов. <...> Многие джангарчи виртуозно владеют музыкальными инструментами, мелодия которых вливается в саму ткань повествования» [Тая 2005: 247]. Другой исследователь отмечает, что известный сказитель П. Рампил исполнял до семи мелодий [Амурдалай 2008: 334].

Среди музыкальных инструментов наиболее распространенными являются ятха и товшур. «Распевное исполнение и музыкальное сопровождение "Джангара" подразделяются на два варианта: музыкальное вступление и исполнение национальной музыки, мелодии. Первое — это вступление к "Джангару", которое сопровождается горловым пением, применяемым, как при-

нято считать, для привлечения внимания слушателей. <...> К примеру, до начала исполнения эпоса, рапсоды распевают определенные звуки, которые напоминают птичьи голоса. По признанию некоторых рапсодов — это более древняя манера исполнения. <...> По словам рапсодов, в далекие времена старые опытные джангарчи исполняли эпос именно в такой манере. <...> И это, несомненно, также является одним из способов, вариантов исполнительского мастерства джангарчи» [Тая 2005: 248].

Эпосоведческие исследования китайских ученых касаются и фундаментальных дискуссионных вопросов о времени происхождения и этапах формирования эпоса «Джангар». Как известно, мнения ученых по данному вопросу во многом разнятся. Академик С. А. Козин, принимая во внимание исторические условия, общественную и религиозную жизнь ойратского этноса, относит возникновение и распространение «Джангара» к XV в. [Козин 1940: 71–72]. Исследователи Б. Соднам и П. Поуха создание эпоса относят к еще более раннему периоду. П. Поуха по этому поводу пишет: ником литературы периода независимого ойратского государства <...> его оригинал должен был быть создан в период формирования монгольской империи. Когда процветало государство ойратов, они кочевали между Монголией, Тибетом и Россией. <...> Хотя все действия эпоса, происходящие в период с конца XII до начала XVIII века, видятся по-новому, часть из них завершилась только в XVII веке» [цит. по: Ринчиндорж 2004: 33]. С еще более ранним, доойратским, периодом времени, предшествующим истории монгольских племен, связывает некоторые версии «Джангара» Т. Сэдорж [см.: Ринчиндорж 2004: 34].

Ряд современных ученых, напротив, относят время создания памятника к более позднему периоду — XVII—XVIII векам. Синьцзянский исследователь Ойратбаяр, изучив историю Джунгарского ханства и содержание эпоса, пришел к выводу, что «Джангар» был создан в первой половине XVIII в., так как памятник является достоянием древней культуры и отражением жизни ойратов на Алтае в XVII—XVIII вв. [см.: Ринчиндорж 2004: 34].

Монгольский ученый Нарантуя заключает, что синьцзянские и монгольские версии «Джангара» произошли от калмыцкого

эпоса, созданного в XVII в. [Нарантуя 1986]. Исследователь из Китая Мёнкя разделяет это мнение, полагая, что «Джангар» имел распространение благодаря культурным контактам [см.: Джамцо 2010: 9]. Гипотезу о создании эпоса на территории нынешнего Китая в Хобуксаре олётами выдвигает собиратель и главный редактор серийного издания эпоса на ойратском и китайском языках Х. Бадай, обосновывая ее хобуксарской локализацией рукописного текста о самом раннем исполнителе «Джангара» — олёте Турбаяре [см.: Джамцо 2010: 9].

Как известно, российский эпосовед А. Ш. Кичиков рассматривает данную проблематику с точки зрения поэтапного развития эпической формации — от архаического тууль-улигера к развитому историзованному эпосу, в рамках обширной традиции тюрко-монгольской эпики. Историзм калмыцкой версии «Джангара», по мнению ученого, «определяется тем, что образ эпической Бумбайской державы, локализуемой в отрогах Алтая, отражает эпоху государственной консолидации Четырех Ойратов, возникновения Джунгарского и Калмыцкого ханства (XV-XVIII вв.), заселения ойратами-калмыками Нижней Волги и юга России <...> и схваток с тюркоязычными противниками в войнах XVII-XVIII вв.» [Кичиков 1997: 205].

В известной мере позиция исследователя Ж. Ринчиндоржа из КНР по вопросу происхождения «Джангара» близка к концепции А. Ш. Кичикова. Разрешение данного вопроса осложняется тем, что «Джангар» как произведение фольклора, формировался на протяжении многих веков и имеет полистадиальную природу, как памятник эпического творчества он квазиисторичен и не содержит прямых исторических параллелей.

Исследователь характеризует «Джангар» как произведение, основанное на сказке и развившееся в XIII—XVII вв. в огромное эпическое многовариантное повествование: «Это множество глав, или, другими словами, вся эпопея, создавалась не в один определенный период времени, а в разное время, в разных странах, в изложении разных людей, дополнялась и исправлялась, размеры эпоса расширялись, главы увеличивались, содержание обогащалось и совершенствовалось с художественной стороны. Не только весь эпос развивался таким путем, но и каждая глава прошла такой же диалектический путь развития» [Ринчиндорж 2004: 35].

Концептуально Ж. Ринчиндорж выделяет три фазы эволюционного развития, отраженные в эпосе: 1) общественная жизнь периода возникновения и формирования эпоса (настоящее время); 2) явления предыдущего периода (прошедшее время); 3) новые общественные явления (будущее время) [Ринчиндорж 2004: 39].

Согласно концепции Ж. Ринчиндоржа, выделяются три ступени развития монгольских сказок — простая сказка, контаминированная сказка, типологически сходная сказка. «Джангар» является произведением третьей ступени развития монгольской сказки, он «вобрал в себя смысл (суть, значение) типологически сходных сказок, темы, идеи, действия, структуру, образ богатыря, художественность и некоторые другие мотивы простых и контаминированных сказок» [Ринчиндорж 2004: 36]. Сказки других монгольских народов не смогли достичь этой третьей ступени, только ойраты после перекочевки на Алтай довели развитие своих сказок до третьей ступени и создали «Джангар»: «Ойратские сказители систематизировали материалы всех древних сказок и сочинили "Джангар", многосюжетный эпос, отражающий жизнь и борьбу общества своего времени. <...> "Джангар" — героический эпос, сформировавшийся в историческом промежутке времени, когда ойраты перекочевали на Алтай и до того, как Хо-Урлюк повел торгутов на Волгу. Это приходится на XV-XVII века» [Ринчиндорж 2004: 46-47]. Свои выводы исследователь обосновывает, исходя из основного содержания эпоса, отражающего междоусобную борьбу ойратского этноса с иноплеменниками, различая при этом основной и сопутствующие сюжеты, стержень произведения и его второстепенные детали.

Еще одной трудноразрешимой проблемой эпоса является этимология и семантика имени Джангар, трактуемая учеными поразному. Академик Б. Я. Владимирцов считает, что имя является заимствованием персидского джихангир — «завоеватель мира» [Владимирцов 1923: 21]. Данной гипотезы придерживались и другие исследователи, в частности С. А. Козин и Г. Й. Рамстедт. В свою очередь А. А. Бобровников также возводит имя Джангар к перс. джихангир (через тюркское — татарское или киргизское — джангир), в качестве варианта рассматривая и тиб. Джан-рай-сэк («Зрящий оком» — в буддийской космологии про-

звищный эпитет Авалокитешвары) [Бобровников 1855: 105–106].

А. Ш. Кичиков высказывает сомнение относительно гипотезы Б. Я. Владимирцова поскольку «имена всех других богатырей имеют общеалтайское, общемонгольское, древнекалмыцкое происхождение, то вряд ли можно возводить имя Джангар к персидскому корню» [Кичиков 1962: 213]. В своей трактовке значения имени Джангар А. Ш. Кичиков руководствуется его исходной определяемой дефиницией — «сирота, в поколении одинокий», — связывая ономастическую этимологию с генезисом и функцией центрального героя эпоса в мифологических традициях тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов и анализирует эту связь на обширнейшем материале соответствующих эпических памятников [Кичиков 1976]. Предложенная трактовка имени Джангар в последующем нашла поддержку у ряда авторитетных исследователей, фольклористов и лингвистов. Ряд исследователей, в качестве версий, связывали данное имя с Джагар ханом (царь Индии) и Джунгаар ханом (Джунгарский хан).

В своем обзоре Т. Джамцо рассматривает различные трактовки имени Джангар, существующие в синьцзян-ойратской и монгольской традиции, и предлагает собственное истолкование. В одном из эпизодов главы синьцзянской версии повествуется о том, как Бёке-Мёнген-Шигширги был испуган и удивлен, заметив коричнево-красную родинку величиной со ступню двухгодовалого верблюжонка на лопатке юного Джангара. Ойрат-монголы традиционно выделяют на теле человека родинку Бодхисаттвы, родинку счастья, эта примета означала, что Джангар — необычный человек. Преисполненный благоговения и предчувствия, Шигширги дает герою имя Джангар, а ясновидец Алтан Чееджи заключает: «Этот мальчик, Джангар, рожден с властью от Тенгри-хозяина, рожден с милостью от хана Тенгри» [Джамцо 2004: 54].

Наряду с изложенной ученый приводит и ряд других трактовок, бытующих в Синьцзяне. В некоторых местностях слово *джангар* бытует в значении «меткий», «всемогущий», «необозримо великий». В Харашаре, в местности Анджан-Шевнр, где проживают торгуты, это слово употребляется в значении «мастер своего дела» — «*джангр* (мастер) благопожеланий, игре на товшуре». У монголов данный этноним ис-

пользуется в значении «искусен в военном деле» или же «хороший, умелый в деле коневодства». Основываясь на приведенных примерах, Т. Джамцо полагает, что слово джангар является ойратским, а выражения «Джангар-хан», «Богдо нойон Джангар» означают «искусный в управлении государством» или же «мудрый хан северной страны Бумбы» [Джамцо 2004: 54–55].

Современные исследования ученых КНР посвящены актуальным вопросам эпосоведения: генезису [Батнасан 2014; Мёнкя 2010; 2011а; 2011б], национальным особенностям традиции [Бадай 2004; Джамцо 2004; 2008; Лю Шиу 2004; Эрдя 2014], сказительству [Батнасан 2008; Мёнкезая 2011; Тайван 2010; Тая 2010; 2016], поэтике [Джамцо 2014; Мёнкезая 2016], эдиционной практике [Джагар 2008; Тубшин 2004] и др.

Насущные проблемы джангароведения обсуждаются на научных и научно-практических конференциях, проводимых с 1982 г. в Китае (1982, 1988, 1989, 1996, 2006, 2011, 2013, 2014, 2016, 2017 гг.). Немаловажно и то, что «Джангар» как уникальный памятник эпического творчества включен правительством КНР в список важнейшего национального нематериального культурного наследия, охраняемого государством.

Таким образом, рассмотренные нами основные аспекты эпосоведческих исследований в Китае освещают синьцзян-ойратскую версию «Джангара» и развиваются в направлениях изучения актуальных проблем бытования и особенностей сказительской традиции, ареальных традиций, распространения и сохранения эпоса, его типологии и вариативной природы, генезиса и формирования эпоса. На современном этапе развития джангароведения в КНР всесторонне изучается синьцзян-ойратская версия, выявляются ее специфические особенности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Амурдалай 2008 — *Амурдалай Б*. Краткая биография джангарчи // Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Элиста: АПП «Джангар», 2008. Т. 3. С. 334–340. [Amurdalay B. A brief biography of the jangarchi. *Geroicheskiy epos sin'tszyanskikh oyrat-mongolov*. Elista: Dzhangar, 2008. Vol. 3. Pp. 334–340].

Бадай 2004 — *Бадай X*. Ойратский «Джангар» и его исследование // «Джангар» в евразийском пространстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Элиста, 27 сент.—2 окт. 2004 г.).

Элиста: КалмГУ, 2004. С. 176–184. [Baday Kh. The Oirat epic of *Jangar* and its studies. «*Dzhangar*» v evraziyskom prostranstve: matly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Elista, 27 sent.–2 okt. 2004 g.). Elista: Kalmyk State Univ., 2004. Pp. 176–184].

Батнасан 2014 — *Батнасан Дж.* О взаимосвязях эпоса «Джангар» с историческими личностями ранней истории // Эпос «Джангар» (Хобуксар, 16–17 июля 2014 г.). Хобуксар: Институт национальных литератур, 2014. С. 25–36. [Batnasan Dzh. Revisiting connections between the Epic of *Jangar* and historical characters of the early history. *Epos «Dzhangar» (Khobuksar, 16–17 iyulya 2014 g.).* Qobuqsar: Institute of National Literatures, 2014. Pp. 25–36].

Батнасан 2008 — Батнасан Дж. О записи и изучении эпоса «Джангар» и джангарчи Ховгсяра // Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Элиста: АПП «Джангар», 2008. Т. 3. С. 391–411. [Batnasan Dzh. About recording and studies of Jangar epic texts from Qobuqsar jangarchis. Geroicheskiy epos sin'tszyanskikh oyrat-mongolov. Elista: Dzhangar, 2008. Vol. 3. Pp. 391–411].

Бобровников 1855 — Бобровников А. А. Джангар. Калмыцкая народная сказка // Вестник Русского географического общества. СПб.: РГО, 1855. Ч. ХІІ. Кн. V. С. 104–128. [Bobrovnikov A. A. The Jangar. A Kalmyk folk tale. Vestnik Russkogo geograficheskogo obschestva. St. Petersburg: Russian Geographic Society, 1855. Part XII. Book V. Pp. 104–128].

Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос. Пг.–М.: Госиздат, 1923. 253 с. [Vladimirtsov B. Ya. *Mongolo-oyratskiy geroicheskiy epos* [The Mongol-Oirat heroic epic]. Petrograd, Moscow: Gosizdat, 1923. 253 р.].

Джагар 2008 — Джагар. Обзор изданий эпоса «Джангар» в Китае // Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Элиста: АПП «Джангар», 2008. Т. 3. С. 412–419. [Jagar. An overview of publications of the *Jangar* epic in China. *Geroicheskiy epos sin'tszyanskikh oyrat-mongolov*. Elista: Dzhangar, 2008. Vol. 3. Pp. 412–419].

Джамцо 2004 — Джамцо Т. Особенности синьцзянского «Джангара» и его значение // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы междунар. науч. конф. (Элиста, 22–24 авг. 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 52–82. [Jamtso T. The Xinjiang version of the *Jangar* epic: its peculiarities and significance. «Dzhangar» i problemy

- epicheskogo tvorchestva: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (Elista, 22–24 avg. 1990 g.). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 52–82].
- Джамцо 2014 Джамцо Т. Поэтическая эстетика «Джангара» // Эпос «Джангар»: матлы междунар. конф. (Хобуксар, 16–17 июля 2014 г.). Хобуксар: Институт национальных литератур, 2014. С. 10–16. [Jamtso T. Poetic aesthetics of the Jangar epic. Epos «Dzhangar»: mat-ly mezhdunar. konf. (Khobuksar, 16–17 iyulya 2014 g.). Qobuqsar: Institute of National Literatures, 2014. Pp. 10–16].
- Джамцо 2010 Джамцо Т. Происхождение эпоса «Джангар // Жаңһрин» һурвн келнә кевлл. Урумчи: Изд-во Синьцзянского унта, 2010. С. 52–140. [Jamtso T. The origin of the epic. *Janyrin» hurvn kelnä kevll*. Urumqi: Xinjiang University, 2010. Pp. 52–140].
- Джамцо 2008 Джамцо Т. Распространение и сохранение эпоса «Джангар» среди монголов Синьцзяна // Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. На калм. яз. в 3-х т. Элиста: АПП «Джангар», 2008. Т. 3. С. 368–390. [Jamtso T. Dissemination and preservation of the Jangar epic among Xinjiang Mongols. Geroicheskiy epos sin'tszyanskikh oyrat-mongolov. Elista: Dzhangar, 2008. Vol. 3. Pp. 368–390].
- Кичиков 1997 Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. 3-е. изд. репринт. М.: Вост. лит., 1997. 319 с. [Kichikov A. Sh. Geroicheskiy epos «Dzhangar». Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika [The heroic epic of Jangar. A comparative and typological study of the text]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 319 р.].
- Кичиков 1976 Кичиков А. Ш. Некоторые аспекты изучения имени Жаңһар (к проблеме генезиса героя и сюжета) // Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. С. 40–55. [Kichikov A. Sh. The name Jangar: some aspects of research (revisiting the genesis of both the hero and plot). Issledovanie geroicheskogo eposa «Dzhangar» (Voprosy istoricheskoy poetiki). Elista: Kalm. Book Publ., 1976. Pp. 40–55].
- Кичиков 1962 Кичиков А. III. О происхождении имени «Джангар» // Ученые записки КНИИЯЛИ. Элиста: 1962. Вып. 2. С. 213—214. [Kichikov A. Sh. The origin of the name Jangar revisited. *Uchenye zapiski KNIIYALI*. Elista: Kalm, Research Institute of Language, Literature and History, 1962. Iss. 2. Pp. 213—214].

- Козин 1940 Козин С. А. Джангариада. Героическая поэма калмыков. М.; Л.: Издво АН СССР, 1940. 249 с. [Kozin S. A. Dzhangariada. Geroicheskaya poema kalmykov [The Jangariada. A heroic epic poem of the Kalmyks]. Moscow—Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1940. 249 p.].
- Лю Шиу 2004 *Лю Шиу*. Особенности песен «Джангара» в четырех аймаках Синьцзяна // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 августа 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 113–116. [Lyu Shiu. Peculiarities of *Jangar* songs from four aimags of Xinjiang. «*Dzhangar*» i problemy epicheskogo tvorchestva: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (Elista, 22–24 avgusta 1990 g.). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 113–116].
- Мёнкезая 2011 Мёнкезая Б. К проблеме сказительского искусства современных джангарчи Синьцзяна // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сент. 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 161–172. [Menkezaya B. Contemporary jangarchis of Xinjiang: revisiting the issue of tale-telling skills. «Dzhangar» i epicheskie traditsii narodov Evrazii: problemy issledovaniya i sokhraneniya: mat-ly mezhdunar. nauch. konferentsii, (Elista, 20–23 sent. 2011 g.). Elista: Kalmyk Institute for the Humanities of RAS, 2011. Pp. 161–172].
- Мёнкезая 2016 *Мёнкезая Б*. О значении двенадцати главных джангаровых богатырей // Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования: мат-лы III Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 161–165. [Menkezaya B. Jangar's twelve main heroes and their meanings. Dzhangar» i epicheskie traditsii tyurkomongol'skikh narodov: problemy sokhraneniya i issledovaniya: mat-ly III Mezhdunar. nauch. konf., posvyaschennoy 75-letiyu Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (Elista, 15–16 sentyabrya 2016 g.). Elista: Kalmyk Institute for the Humanities of RAS, 2016. Pp. 161–165].
- Мёнкя 2011а Мёнкя Б. «Жангар»-т дүрслэгдсэн «Бумбын орон» хийгээд түүний орчин дахь зарим улс гүрний нутаг усны түүхэн сурвалж // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы ис-

- следования и сохранения: мат-лы междунар. науч. конф. (Элиста, 20–23 сент. 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011а. С. 22–28. [Möngkä B. The country of Bomba from the Jangar epic: its image and some historical parallels. «Dzhangar» i epicheskie traditsii narodov Evrazii: problemy issledovaniya i sokhraneniya: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (Elista, 20–23 sent. 2011 g.). Elista: Kalmyk Institute for the Humanities of RAS, 2011a. Pp. 22–28].
- Мёнкя 20116 Мёнкя Б. «Жангар»-ын тархац хийгээд «Жангар»-ын үүсэл бүрдэл // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сент. 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011b. С. 104–110. [Möngkä B. Collection and publication of Jangar texts revisited. «Dzhangar» i epicheskie traditsii narodov Evrazii: problemy issledovaniya i sokhraneniya: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (Elista, 20–23 sent. 2011 g.). Elista: Kalmyk Institute for the Humanities of RAS, 2011b. Pp. 104–110].
- Нарантуя 1986 *Нарантуя P*. К вопросу о генезисе эпоса «Джангар» // Studia Mongolica. Улан-Батор: 1986. Т. XL. С. 144–150. [Narantuya R. Genesis of the *Jangar* epic revisited. *Studia Mongolica*. Ulaanbaatar: 1986. Vol. XL. Pp. 144–150].
- Потанин 1895 *Потанин Г. Н.* Саур Ванидович // Этнографическое обозрение. 1895. №4. С. 57–70. [Potanin G. N. Saur Vanidovich. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1895. No. 4. Pp. 57–70].
- Ринчиндорж 2004 Ринчиндорж Ж. О времени возникновения «Джангара» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы Междунар. науч. конф. (Элиста, 22–24 авг. 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 32–48. [Rinchindorji Zh. The Jangar epic and the time of its appearance. «Dzhangar» i problemy epicheskogo tvorchestva: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Elista, 22–24 avg. 1990 g.). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 32–48].
- Тая 2016 Тая Д. Изучение проблем передачи устной традиции эпоса «Джангар» // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования: мат-лы III Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 19–26. [Тауа D. The epic of Jangar: studying the issues of transference

- of the oral tradition. *«Dzhangar» i epicheskie traditsii tyurko-mongol'skikh narodov: problemy sokhraneniya i issledovaniya: mat-ly III Mezhdunar. nauch. konf., posvyaschennoy 75-letiyu Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (Elista, 15–16 sentyabrya 2016 g.).* Elista: Kalmyk Institute for the Humanities of RAS, 2016. Pp. 19–26].
- Тая 2005 Тая Д. Мелодия синьцзянских джангарчи и музыкальное сопровождение эпоса // Исследователь монгольских языков: к юбилею Б. Х. Тодаевой. Сер. «Калмыцкая интеллигенция». Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 247–248. [Taya D. Melodies of Xinjiang jangarchis and musical accompaniment of the epic. Issledovatel' mongol'skikh yazykov: k yubileyu B. Kh. Todaevoy. Ser. «Kalmytskaya intelligentsiya». Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 247–248].
- Тубшин 2004 *Тубшин*. Значение и влияние первого монгольского издания «Джангара», опубликованного в Китае в 1958 г. // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы Междунар. науч. конф. (Элиста, 22—24 августа 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 387—389. [Tubshin. The significance and influence of the first Mongolian-language edition of the *Jangar* epic published in China in 1958. «*Dzhangar» i problemy epicheskogo tvorchestva: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Elista, 22—24 avgusta 1990 g.)*. Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 387—389].
- Церенов 2005 *Церенов В. 3.* Эпос «Джангар» у ойратов Синьцзяна // Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. в 3-х т. Элиста: АПП «Джангар», 2005. Т. 3. С. 437–457. [Tserenov V. Z. The *Jangar* epic among the peoples of Xinjiang. *Geroicheskiy epos sin'tszyanskikh oyrat-mongolov*. Elista: Dzhangar, 2005. Vol. 3. Pp. 437–457].
- Эрдя 2014 Эрдя У. Современное состояние развития традиции «Джангара» в Хобуксаре // Эпос «Джангар» (Хобуксар, 16–17 июля 2014 г.). Хобуксар: Китай, Институт национальных литератур, 2014. С. 90–96. [Erdya U. A Qobuqsar Jangar epic tradition: the contemporary stage of development. Epos «Dzhangar» (Khobuksar, 16–17 iyulya 2014 g.). Qobuqsar: Institute of National Literatures, 2014. Pp. 90–96].
- Bergmann 1805 Bergmann B. Heldengesang aus der Dschangariade. Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Riga: C.J.G. Hartmann, 1805. Vol. IV. Pp. 181–214.
- Heissig 1996 *Heissig W*. The present state of the mongolian epic and some topics for future

- research. *Oral Tradition*. 1996. No. 11/1. Pp. 85–98.
- Jangyarin tuuli 1980 *Jangyarin tuuli* [Legends about Jangar]. Urumqi, 1980.
- Jangyar-yin eke material 1980, 1982–1996 «Jangyar-yin» eke material (Original materials of the *Jangar* epic). Urumqi: People's Publ. House, 1983–1990. 1983. Vol. 3; 1983. Vol. 4; 1985. Vol. 5; 1990. Vol. 6; 1987. Vol. 7; 1988. Vol. 8; 1988. Vol. 9.
- Jangyar 1986, 1987, 2000 Jangyar. Ch. Irincen. Urumqi: People's Publ. House, 1986–1987. 1986. Vol. 1; 1987. Vol. 2; 2000. Vol. 3.
- Мёнкя 2010 Мёнкя Б. Богд ноён Жангарын дүрийн түүхэн сурвалж Аюк хаан // Bibliotheca Oiratica XXII. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2010. X. 66–86. [Menkya B. Ayuka Khan as a historical source character for the image of Jangar Bogdo. *Bibliotheca Oiratica XXII*. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2010. Pp. 66–86].
- Ринчиндорж 1984 *Ринчиндорж, Ж.* Шинжий-ангиин «Жангар» кигэд жангарчид ин тухай / Ж. Ринчиндорж // Ориин цолмон. Урумчи: 1984. № 2. Х. 577–617. [Rinchindorji Zh. A Xinjiang version of the *Jangar* epic and the traditions of jangarchis. *Oriin tsolmon*. 1984. No. 2. Pp. 577–617].
- Тайван 2010 Тайван О. Шинжаан ойрадын жангарч Жуунайн «Жангар»-ын бүртгэл // Bibliotheca Oiratica XXII. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2010. X. 52–58. [Tayvan O. The epic repertoire of the Xinjiang Oirat jangarchi Juun. *Bibliotheca Oiratica XXII*. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2010. Pp. 52–58].
- Тая 2010 Тая Д. Шинжааны жангарчийн уламжлал судлал. Bibliotheca Oiratica XIX. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2010. 322 с. [Taya D. Xinjiang jangarchis: a study of the narrative tradition. *Bibliotheca Oiratica XIX*. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2010. 322 p.].

УДК 398.22

Синьцзян-ойратская версия «Джангара»: эпосоведческие исследования в Китае

Цаган Бадмаевна Селеева¹

¹научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: tsagana007@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты эпосоведческих исследований синьцзян-ойратской версии «Джангара», проводимых учеными-фольклористами Китая. Актуальность темы исследования и ее новизна связаны с тем, что теоретическое осмысление эпоса «Джангар» изначально было основано на калмыцких источниках. Введение в научный оборот синьцзян-ойратской версии позволяет проводить многоаспектные сравнительно-типологические исследования. Кроме того, изучение синьцзян-ойратской версии расширяет научные представления о центральноазиатской эпической общности в целом и джангаровской традиции в частности. В ходе изучения данной проблематики автор приходит к выводу, что исследования китайских ученых-фольклористов в основном посвящены рассмотрению проблем бытования, особенностей эпической традиции и эпического сказительства, поскольку исследователи эпоса являются и его собирателями и имеют уникальную возможность наблюдать и изучать живую эпическую традицию. Китайские джангароведы, опираясь на предшествующий опыт отечественных и зарубежных эпосоведов, затрагивают актуальные вопросы, связанные с генезисом памятника и трактовкой имени Джангар, выдвигая собственные концепции и гипотезы. На современном этапе развития джангароведения китайскими исследователями всесторонне изучается синьцзян-ойратская версия, выявляются ее специфические особенности.

Ключевые слова: эпос «Джангар», синьцзян-ойратская версия, эпосоведческие исследования, эпическая традиция, сказительская традиция, эпическая общность